РАЗГОВОРЪ ШИШКОВА СЪ КНЯЗЕМЪ КУТУЗОВЫМЪ.

Шишковъ.—Разрѣшите мое сомнѣніе, за чѣмъ идемъ мы за границу?

Князь Кутузовъ. Для продолженія войны.

Шишковъ. Зачѣмъ продолжать ее, когда она кончена? Можно ли предполагать, что Наполеонъ, пришедшій сюда со всѣми своими и Европейскими силами, и самъ, по истребленіи всѣхъ его полчищъ и снарядовъ, насилу отселѣ ускакавшій, можетъ покуситься вторично сюда придти?

Князь Кутузовъ. Я думаю, что не придетъ. Довольно и одного раза быть такъ отпотчивану.

Шишковъ. А сидя въ своемъ Парижѣ, какое можетъ онъ сдѣлать намъ зло?

Князь Кутузовъ. Намъ, конечно, нѣтъ; но господство его надъ другими державами, Австріею, Пруссіею, Саксоніею и проч. останется тоже, какое доселѣ было.

Шишковъ. Если мы идемъ освобождать ихъ, то цѣль войны должна быть та, чтобъ Наполеона свергнуть съ престола; ибо, если

въ нихъ самихъ не будетъ твердости, то онъ, и по замиреніи, рано или поздно, снова возбладаетъ надъ ними: честолюбивыя намѣренія его не престанутъ въ немъ пылать. Буде же предполагается вырвать изъ рукъ его Францію, то это, по многимъ причинамъ, не такъ легко: 1) Пруссія безсильна, порабощена; во многихъ ея городахъ и крѣпостяхъ сидятъ Французы; 2-е) Наполеонъ женатъ на дочери Австрійскаго императора и уже имѣетъ отъ нея сына; 3-е) Саксонскій король, по разсчетамъ своимъ, или отъ страха, преданъ совершенно Французскому двору. По всѣмъ симъ обстоятельствамъ, можетъ быть и самыя побѣды наши не ободрятъ ихъ столько, чтобъ поднять оружіе и вступить съ нами въ союзъ. И такъ, не будучи въ нихъ увѣрены, мы идемъ единственно для нихъ, оставляя сгорѣвшую Москву, разгромленный Смоленскъ и окровавленную Россію безъ призрѣнія, съ новыми надобностями требовать отъ ней и войскъ, и содержанія ихъ.

Князь Кутузовъ. Да! Признаться должно, что этотъ великодушный нашъ поступокъ и ожидаемая отъ того слава сопряжены съ немалымъ пожертвованіемъ и великою отважностью.

Шишковъ. Хорошо, если предпріятіе наше увѣнчается успѣхами; но ежели, паче чаянія, мы, зашедши далеко, принуждены будемъ, прогнанные и съ потерями, возвратиться назадъ: то, поднявъ опять Наполеона, не лишимся ли мы тѣхъ преимуществъ, какія теперь надъ нимъ имѣемъ? Не скажетъ ли Европа: они сравнялись, прогнали взаимно другъ друга, и кто изъ нихъ одержитъ верхъ— неизвѣстно.

Князь Кутузовъ. Да, это правда! Будущаго нельзя знать.

Шишковъ. Для чего бы не остаться намъ у себя въ Россіи, предлагая утѣсненнымъ державамъ, чтобъ онѣ воспользовались удобностью случая освободить себя изъ подъ ига Франціи? Можно, если онѣ ополчатся, обѣщать имъ вспомоществованіе частью нашихъ войскъ, какъ Павелъ I-й помогалъ Австріи, пославъ къ ней Суворова съ войсками, но не участвуя въ томъ всѣмъ своимъ царствомъ. Тогда, еслибъ и послѣдовали какіе неуспѣхи, уваженіе другихъ державъ къ могуществу Россіи, особливо же низложеніемъ исполинскихъ Наполеоновскихъ силъ пріобрѣтенное, нимало бы чрезъ то не уменьшилось.

Князь Кутузовъ. Я самъ такъ думаю; но Государь предполагаетъ иначе, и мы пойдемъ далѣе.

Шишковъ. Если и вы такъ думаете, то для чего же не настоите въ томъ предъ Государемъ? Онъ, по вашему сану и знаменитымъ подвигамъ, конечно уважилъ бы ваши совѣты.

Князь Кутузовъ. Я представлялъ ему объ этомъ; но, первое, онъ смотритъ на это съ другой стороны, которую также совсѣмъ опровергнуть не можно; а другое, скажу тебѣ про себя откровенно и чистосердечно: когда онъ доказательствъ моихъ оспорить не можетъ, то обниметъ меня и поцалуетъ. Тутъ я заплачу и соглашусь съ нимъ. (Записки Шишкова I, 167).